

МЫ СНОВА ГОВОРИМ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

В Ярославском художественном музее открылась выставка «Импровизации». Ее автор – Татьяна Степанова, русская американка. Русская – по месту рождения, американка – по месту жительства и образу мысли. По-русски говорит прекрасно, но постоянная мимическая готовность улыбаться уже явно заокеанского происхождения.

Училась живописи и рисунку в Лондоне у известного художника Сессиля Колинза. По словам Татьяны, толчком к собственным живописным экспериментам стало для нее углубленное изучение иконописи. Но будь вы хоть семи пядей во лбу, имей вы степень доктора искусствоведения, ни за что, ни в страшном сне, ни в пьяном бреду, вы не проведете параллель между иконописью и тем, во что вылилось погружение в эту эстетику у американки.

Огромные полотна, весьма смело (с точки зрения колористики) выкрашенные в два-три цвета, с полуразмытой гранью между ними и неопределенного вида объектом. Вопрос «А что это?» задавать вроде бы в данной ситуации неприлично, но, даже не заданный вслух, он читается на изумленно нахмуренных лбах гостей вернисажа.

В качестве «неопровергнутых доказательств» художница приводит конкретные примеры «совпадений», как то: обилие геометрии и там и здесь, контрастность цветов, предметность... Ах, лучше бы про предметность

она не упоминала. Публика сосредоточенно начинает искать хоть один конкретный предмет. Увы, либо все слепы, либо предметы невидимы.

– Да вот же луна, – уже чисто по-русски тычет пальцем в полотно художница. – А вот башня. Вы что, не видите?

Приходится согласиться и признать, что фигуративное искусство – последователем именно этого направления в современной живописи считает себя Татьяна – осознано не каждому.

И, тем не менее, блуждая в «непонятках», с помощью искусствоведа Ирины Реховских и куратора выставки Светланы КаляISTRATOVой общую суть экспозиции начинаешь проглядывать. Угадаешь на счет три, кто главный персонаж выставки? Кто сказал «русская березка»? Вы правы. О

чем еще можетnostальгировать русская американка?

Березки представлены в световом решении – просвечивающиеся жалюзи сквозь рулоны обоев и в виде урбанистической бересовой рощи, высаженной в черном кабинете. Туда запускают по одному, выдавая при входе брелок-мигалку. Строго локализованные вспышки света, выхватывающие на миг наклонен-

ные под разными углами трехметровые белые трубы (они, очевидно, имитируют бересовую рощу после приземления НЛО), наводят столь мистически необъяснимый ужас, что в черном кабинете никто долго не задерживается.

Между тем Татьяна рассказывает, что в Штатах нынче в фаворе искусство поп-арта и живопись американских же «шестидесятиков». На первый план выходит предметное искусство, оттесняя своего конкурента – абстракцию – на задний план арт-бизнеса.

Американские секреты успеха ничуть не отличаются от русских: и там и тут можно безбедно прожить, занимаясь одной лишь живописью, при двух условиях: либо ты знаменит и за тебя уже работает имя, либо ты пашешь на волне конъюнктуры. В отношении творчества Татьяны Степановой трудно предположить как первое, так и второе. На прямой, пусть и невежливый вопрос куратору выставки: «А что, это действительно покупают?» – искусствовед смущенно смотрит в сторону: «Извините, я не в курсе».

А тут, как лыко в строку, вплетается еще одна новость: какая-то из представленных картин, оказывается, уже подарена нашему музею, а две торжественно вручены фонду Музея современного искусства, возглавляемому Зарабом Церетели. Дареным картинам, как говорится...

Лариса ДРАЧ.

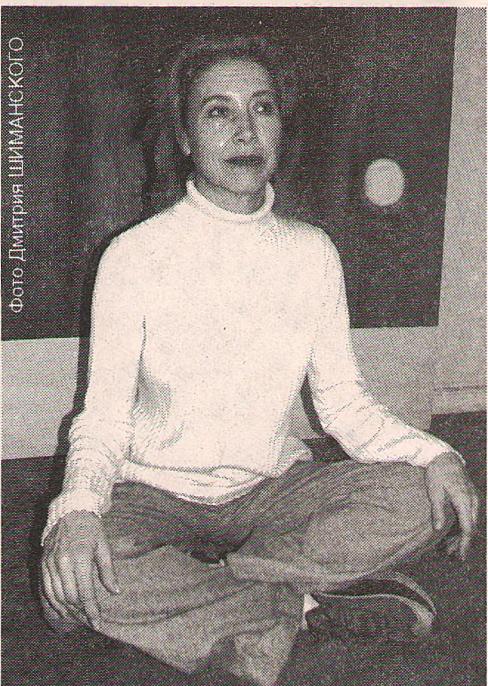

Фото Дмитрия ШИМАНСКОГО